

Предпочитаем не верить

Каким сегодняшней день и наше будущее показала VI Уральская индустриальная биеннале современного искусства

Больше фото

Наталья ШАДРИНА,
Пётр КАБАНОВ

В Екатеринбурге открылась VI Уральская индустриальная биеннале современного искусства. В создании выставок приняли участие 82 художника из разных стран мира, работы которых можно увидеть на семи площадках столицы Урала, а также в арт-резиденциях по всему Уральскому федеральному округу. «ОГ» побывала на ключевых экспозициях биеннале, чтобы понять – настала пора современного искусства или время от него уклоняться.

Тема нынешней Уральской индустриальной биеннале обозначена цитатой из Экклезиаста «Время обнимать и время уклоняться от объятий». И это тот случай, когда организаторам выставки удалось попасть точно в цель. Именно этого многие из нас ждём от по-настоящему современного искусства: попытку ответить на действительно актуальные вопросы, поговорить о новых реалиях, с которыми столкнулось общество, как бы громко ни звучало – переосмыслить сегодняшний день. Объятия, прикосновения (манifest выставки «Мыслище руки касаются друг друга») – то, что пандемия в глобальном смысле внесла под запрет. Ценно и то, что заявленную тему биеннале планировали развивать шире, а коронавирус вмешался уже на несколько месяцев позже, пусть и став в процессе самым сильным смыслом для создания произведений.

В январе 2020 года мы думали, как нам преодолеть тему прошлой выставки – тему бессмертия, – поясняет комиссар и художественный руководитель VI Уральской индустриальной биеннале современного искусства Алина Прудникова. – Интуиция подсказала, что нужно вернуться к какому-то осязаемому внутренним границам. Возникла тема касания – такого простого и такого многозначного момента. Сколько вещей мы сегодня делаем в одно касание, какие нормы диктуют нам то, какое касание считать социально релевантным, а какое харассментом. Потом началась пандемия – и оказалось, что наша формулировка обретает ещё и такой контекст. Мы как будто бы предсказали это всё.

Понятно, что сейчас каждый второй деятель искусства что-то такое предчувствовал, разве что писатель Алексей Салников всё пытается откритичить от приносимого ему «прогноза» в романе с прекрасным по сегодняшним временам названием «Петровы в гипсе и вокруг него». Но авторы Уральской биеннале и правда оказались на гребне этой самой актуальной смысловой волны. И если театры, кинематографу, музыке нужно больше времени, нужна дистанция, чтобы посмотреть на изменения со стороны, то инсталляция и перформанс – искусство здесь и сейчас. Оставалось лишь воплотить.

Блокбастер из семи частей

Биеннале в этом году проходит с размахом. В Екатеринбурге задействовано семь площадок: цех Уральского оптико-механического завода, «Салют», Главпочтамт, Екатеринбургский цирк, «Дом Метенкова», екатеринбургский филиал ГМИИ им. Пушкина (бывший ГЦСИ), Музей истории и археологии. Кроме этого, выставки, события арт-резиденций, спецпроекты на нескольких площадках в городе и соседних областях.

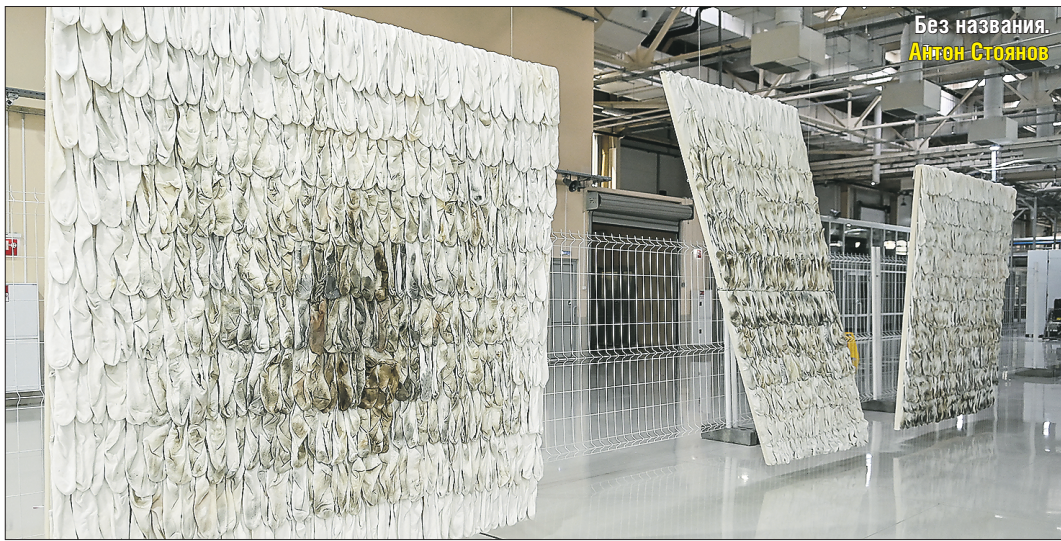
Комиссар биеннале Алина Прудникова отмечает, что они хотели уйти от формата «выставочного блокбастера» и сделать небольшую, горизонтальную биеннале, но это не удалось.

У нас самая масштабная биеннале из тех, которые мы делали. Семь площадок. Подумав на трезвую голову, мы поняли, что это Урал-челлендж. Захватили девять городов по всему Уральскому федеральному округу – Челябинская и Тюменская область. 152 события публичной программы за два месяца.

Продолжая разговор о площадках, стоит отметить ещё одну концепцию. По словам Алины Прудниковой, площадками были выбрано несколько пространств, каждое из которых находится в стадии трансформации. К примеру, «Салют», Екатеринбургский цирк или цех УОМЗ.

«САЛЮТ» ВСЁ ТОТ ЖЕ. С «Салютом» история отдельная и интересная. Он, пожалуй, более всех находится в стадии «трансформации». Из кинотеатра – в... Кратко напомним, что в феврале 2020 года один из старейших действующих (ещё на тот момент) кинотеатров города передали городскому центру «Одарённость и технологии». Несмотря на противников такого решения, в «Салюте» должны разместиться детские кружки, проходить выставки, фестивали, конкурсы. Но за более чем полуторагодичный срок детей в здание на Толмачёва, 12 не появилось.

Теперь же в «Салюте» временно размещается площадка биеннале. Стадию трансформации подтверждают наполнением бывшего кинотеатра, в общем-то, привычным ему смыслом. Там, помимо прочего, пройдут киносеансы, перформансы, представленные инсталляции и видеоработы. Выделение «Салюта» в отдельную площадку неожиданно (наверное, даже для организаторов биеннале) обнаружило проблему: в бывшем кинотеатре за полтора года серьёзный ремонт коснулся лишь туалетов. Чем именно была обусловлена спешка в феврале 2020-го в передаче здания – непонятно.

Без названия. Алексей Стоянов

ГАЛИНА СОТОВЫЕВА

«Разум – худшее, что можно потерять и прастратить». Альфредо Сейбала

ПЬЕТР КАБАНОВ

БИЕННАЛЕ В ЦИФРАХ

КУРСКИЙ РИТУАЛ НА ПОЧТАМТЕ

Через дорогу от «Салюта» в Главпочтамте – располагается ещё одна площадка. Она в первую очередь примечательна надписью на козырьке входной группы – «Во все завтра зип в которые мы предпочитаем не верить тчо». Что ж, Главпочтамт, ранее называвшийся Домом связи, действительно некогда ассоциировался с телеграммами и символами обозначения знаков препинания. Но мы сами были свидетелями, как на пресс-показе коллеги-журналисты ломали голову над «всеми завтра», в которые мы почему-то предпочитаем не верить.

Главпочтамт, видимо, ещё и выпадает из концепции «трансформации», поскольку почти всё же остаётся почтой. Художественные объекты соседствуют с работниками и пришедшими посетителями. Есть даже перформанс художницы Мехтан Байду. Она собирала камни от женщин разных стран мира, в которые условно вложили сокровенные желания. По старинному курдскому ритуалу эти камни нужно «запечатать», чем Мехтан и занимается. За воплощением можно следить на Главпочтамте. Правда, обращаясь к описанию перформанса, находишь следующие слова: «Камни желаний» связаны с детскими воспоминаниями художницы о традиционном женском ритуале, участие в котором она принимала когда-то, но помнит лишь частично». Далее говорится, что воспоминания о ритуале Мехтан Байду называет сном... Зачем делать акцент на том, что художница, возможно, не помнит его, но выполняет – непонятно.

Ещё одна работа, привлекающая внимание – «Разум – худшее, что можно потерять и прастратить» гватемальского автора Альфредо Сейбала. Она представляет собой ролл бумаги, растянутый на четырёх этажах – сверху вниз. Сейбала изобразил

сцены из истории цивилизации не то существующей, не то вымышленной. По идее, ты должен пройти путь развития человечества, двигаясь по лестнице и рассматривая сцены. Но художник изобразил их так мелко и бледно, что сначала даже не понимаешь, куда смотреть.

ЦИРКЕНАЛЕ ПЕРЕЗАГРУЗИТ РОСЦИРК? Впервые на Уральской биеннале появилась так называемая перформативная часть, и логично, что она произошла в Екатеринбургском цирке. Цирк тоже одна из тех площадок, которая совсем скоро войдёт в режим трансформации: долгожданная реконструкция здания должна начаться в 2022 году и, по прогнозам, продлится два года.

Кураторы из Турции цирк привлекли своей необычной архитектурой, но когда организаторы биеннале в Екатеринбург увидели такую заявку, немного напряглись – было непонятно, согласится ли цирк участвовать в крайне необычном для себя мероприятии. Директор Тамара Бортинова пошла навстречу, на пять недель предоставив здание современному искусству.

И даже скандал, развернувшийся вокруг участия цирка в биеннале, оказался выставке на руку. Напомним, что художница из Нижнего Тагила Алина Горшенина отказалась от участия в биеннале из-за нежелания иметь ничего общего с «варварской индустрией», говоря о насилии над животными. Алина запустила флешмоб под названием #циркенале, в котором приняли участие художники со всей страны.

Конечно, отказываться от такой площадки как цирк организаторы и не думали, а флешмоб стал лишь дополнительной рекламной биеннале, завернутой в красивую упаковку обещаний, что как раз выставка современного искусства подтолкнёт к реформам в российский цирке. «Би-

Кураторы основного проекта в этот раз из Берлина – Аднан Ильдиз (справа), Чала Илже (в центре), Ассаф Киммель (слева). Аднан и Чала родились в Турции. Ассаф – в Израиле. Они отметили, что источником их вдохновения также стал роман Евгения Замятина «Мы», написанный почти сто лет назад.

Почему именно роман «Мы»? Замятин в своём произведении старался заглянуть в будущее, увидеть и предугадать, что в нём произойдёт. Кураторы отмечают, что тоже в какой-то определяют будущее (в рамках биеннале) и пользуются романом как инструментом. Каждая из площадок превратилась в элементы книги Евгения Замятина. Так, в частности, Уральский оптико-механический завод в концепции представлен как «ИНТЕГРАЛ» – космический корабль из романа «Мы». Кинотеатр «Салют» – главный герой Д-503. Цирк – героиня О-90, Главпочтамт – I-330 и так далее.

Но насколько возможно самому провести аналогию с романом Замятина? Распести клубок смыслов, безусловно, сложного для восприятия произведения. Знакомое некоторым, но далеко не всем. Во многом из-за специфики жанра. И удержать в голове многочисленные цитаты из романа, номера героев и подключённые к ним смыслы уже на самой выставке – трудно.

«Квадраты будут падать». Ян Вернер

Один из перформансов проходит на арене цирка и называется «Квадраты будут падать» (художник Ян Вернер). Описывать перформансы дело ещё более неблагоприятное, чем ожидание изменений в Росгосцирке, но попробуем. С купола на арену спускаются три троса, к ним привязано по чёрной колонке (те самые квадраты), с каждой колонкой «работают» гимнасты цирка. Кульминация (как мы поняли) наступает, когда артисты встанут на эти колонки и начнут раскачиваться. Потом гимнасты покидают арену. Можно дофантазировать, что это метафора о замещении в будущем артистов, живой музыки механическими устройствами – теми же колонками и прочим. Даже если мы угадали, мысль не нова, да и само представление не произвело особого впечатления на зрителя, собравшихся на открытие выставки

биеннале запускает изменения в корпорации Росгосцирк, мы не можем не нести эту ответственность», – сказала на пресс-конференции Алина Прудникова.

Не знаем, насколько комиссар биеннале посвящена в проблемы крупнейшей государственной цирковой компании (38 стационарных цирков по всей стране), отметим лишь, что скандалы там не утихают годами, если не десятилетиями, один гендиректор сменяет другого. И думать, что биеннале вместе со своими перформансами запустит там какую-то «перезагрузку», по меньшей мере наивно.

Резюмируя, скажем, что тенденцию, появившуюся на биеннале в самом начале, пока преодолеть не удалось. Архитектура выбранных площадок, сила этих мест оказываются гораздо любопытнее произведений самой выставки – типографика «Уральский рабочий», гостиница «Исеть», теперь Екатеринбургский цирк.

Биеннале не первой свежести

Индустриальная биеннале не может существовать без заводов. В этом смысле концепция, задуманной больше 10 лет назад, С тех пор арт-резиденты действительно выезжали на самые разные заводы области и Урала в целом. Опыт этот тоже был разным, как и отношение к нему. Есть те, кто так и не понял путешествий по заброшенным объектам, тем более что художники в своих произведениях не раз иронизировали над в общем-то катастрофической для промышленного региона ситуацией. Есть и те, кто действительно открывал для себя историю нашего края через экскурсии по заводским территориям.

На наш взгляд, главное, чтобы «заход» на предприятия был оправдан и произведением, которые там выставляются, того

стоили, и уж точно не портит репутацию принимающей стороне.

Основной индустриальной площадкой нынешней биеннале стал Уральский оптико-механический завод (УОМЗ). Это уже не первый выставочный опыт предприятия, более того, в этот раз они сами стали инициаторами размещения у себя экспонатов современного искусства.

«Мы думали, что после прошлой биеннале завод забудет нас как страшный сон, и каково же было наше удивление, когда они сами пришли и сказали «мы снова хотим проект», а потом даже построили для биеннале новую проходную, – не без гордости рассказывает Алина Прудникова.

Слова комиссара подтвердила представительница госкорпорации «Ростех» (стратегического партнёра VI Уральской биеннале), в состав которой входит Уральский оптико-механический завод.

– Мы в третий раз поддерживаем это мероприятие, – говорит директор по коммуникациям госкорпорации «Ростех» Екатерина Баранова. – Если первый год мы присматривались, то второй раз решили зайти на биеннале масштабно, предоставив на несколько месяцев старый советский цех. Но чтобы создать правильные впечатления о современной российской промышленности, мы участвуем в выставке сейчас. Мы хотим показать, как промышленность выглядит сегодня. Для нас это принципиальный момент.

Для этой цели УОМЗ предоставили биеннале 2000 кв. метров в новом механо-обработывающем цехе. Как уточнила Екатерина Баранова, он был отремонтирован (а «фактически – построен») в 2020 году.

Что ж, достроенная к биеннале проходная действительно есть, после неё мы попадаем в большую светлый зал нового цеха. Он поделён пополам – за перегородкой

шумят станки, не прерывается производственный процесс, мы же проходим в выставочное пространство. Выглядит оно действительно очень современно, стильно. Правда, тех, кто уже успел зайти перед нами, окликают – оказывается, они наступили на первое произведение – большую белую ажурную салфетку, слившуюся с плиткой на полу. Арт-объект «Опасная работа» в течение 700 дней вязала боснийская художница Шейла Камерич. Таким образом автор вымстила свои эмоции во время войны в Боснии и Герцеговине, свидетельницей которой была. Также салфетка символизирует женское социальное рабство, а её огромный размер говорит о попытке освободиться от навязанных ограничений. Мотив ограничений и должен связать работу, которая была создана уже довольно давно, с сегодняшними реалиями.

В начале мы говорили, что выбранная организаторами тема очень актуальна, но увя, салфетка боснийской художницы – далеко не единственный проект, созданный много раньше. С этим нашей биеннале как-то не везёт. До Урала зачастую доезжают работы, что называется, не первой свежести. Произведения, которые по логике должны появиться хотя бы за последние год-два, порой гастролируют по миру десятилетиями.

Ещё один яркий пример нынешней выставки – инсталляция художницы из Турции Хале Тенгер. Зрителям предлагается зайти в огороженное колючей проволокой пространство – внутри таможенная будка (медиаторы увидели в этом эффект «русской матрёшки»: завод, зона, будка). Хале таким образом отреагировала на политическую обстановку в Турции в... 1995 году. Кураторы биеннале утверждают, что и сегодня (когда проблема свободы слова остро стоит во многих странах) инсталляция невероятно актуальна. Но по такому же принципу можно заново интерпретировать сотни, тысячи произведений, главное подобрать правильные слова. А если их отбросить – не думаем, что на кого-то из уральцев колючая проволока произведёт незабываемое впечатление, а уж политический конфликт турок 26-летней давности тем более.

Ну, и «король» экспозиции на УОМЗ – эксперимент болгарского художника Антоана Стоянова. В технике «кассабля» он расположил на огромных стендах ряды хлопковых носков разной степени изношенности. Нет, этот автор, безусловно, не первый, кто решил во всех смыслах пойти «от противного», шокируя публику такими родами искусства. Но если некогда принадлежали ему самому, а теперь они явлены миру, чтобы подчеркнуть границы между природой и обществом. Если кто-то подумал, что художник так поизносил за время lockdown – увя. Этой работе тоже больше десяти лет. Но сейчас «в контексте пандемии зритель предлагается пересмотреть понятия чистоты и грязи», – говорится в аннотации биеннале.

Напомним, УОМЗ и «Ростех» хотели с помощью биеннале показать нам современную промышленность. С уважением к ним, скажем, что план провалился. Когда биеннале завершится, с этой площадкой большинство запомнит именно эти злостные (спасибо, что не зловонные) носки. Мы уверены, что там, за перегородкой, где шумели станки, было гораздо интереснее.

P.S.

На выставке современного искусства (это словосочетание, увя, чаще используется с негативной коннотацией) невольно возникает невольная мысль: всё ли я правильно понимаю? Или: понимаю ли это это вообще? Ничего злого в этом нет, даже если боишься сказать об этом вслух. Зритель, пришедший на выставку, обладая или нет необходимым багажом знаний о современном культурном контексте, ориентируется по первым эмоциям – нравится или нет. «Цепляет» или нет. И целенаправленное углубление в авторскую концепцию, прочитанную позже, слова экспозитора, объясняющего тебе, что же именно творилось, имеет в виду, по большей степени не будет играть никакой роли.

Современное искусство (как и любое искусство) выражает своё отношение к окружающей нас реальности. После биеннале, на которой эта невольная мысль о понимании возникает на каждой из площадок, думаешь и о другом: неужели наша действительность правда такова? Мы же, соглашаясь с авторами инсталляций на Главпочтамте, предпочитаем в это не верить.

«Можно сделать что-то на грани скандала. Но одного высказывания недостаточно»

Сергей АЙНУТДИНОВ, заслуженный художник РФ, председатель свердловского отделения Союза художников России.

– В этом году на Уральскую биеннале я не пойду. И не планировал. Во-первых, по идеологическим соображениям, во-вторых, по художественным. В этом смысле там вообще мало чего бывает.

– А по идеологическим вы что имеете в виду? – Мой предыдущий опыт как зрителя на Уральской биеннале показал, что её организаторы проводят политику разрушения, а не создания. Они удерживают, что красоты нет, духовности нет, есть один дизайн. Таким образом они воспитывают поколение, которое не интересуется высоким искусством.

– Думаем, это показатель, что человек, возглавляющий Союз художников в области, отказался от посещения этого мероприятия. Можно ведь было критиковать, но всё-таки прийти. А вы говорите, что даже на этом уровне неинтересно... –

– Надоело, по прошлым выставкам я понял, чем они занимаются. В основном это уже перемены, много из того, что они привозят, было показано на подобных выставках в других странах. Я непроизвольно вспоминаю 70–80-е годы. Тогда авторы делали художественные, человеческие высказывания, и они звучали, потому что это было нельзя. Многие потом уехали на Запад. И они, кстати, с точки зрения искусства остались, как бы к этим художникам ни относились. А сейчас, когда по

большому счёту всё можно, у меня эти попытки никакого интереса не вызывают. Тогда мне важен художественный уровень, а не те, кто просто брызгают краской. Да, с точки зрения художественного высказывания можно сделать что-то на грани скандала, но это должно быть вовремя. Потом художнику необходимо куда-то развиваться. Одного высказывания недостаточно.

На одной из первых биеннале организаторы попросили плакаты у Виталия Михайловича Воловича. Он собрал объявления про девушек свободного поведения, размером с ватманские листы. Волович ведь хотел даже выставку делать, отдавая дань тому времени, грани жизни. И что сделали на биеннале? Перефотографировали эти большие объявления, а потом перевели в формат А4. И они просто потерялись на экспозиции в типографии «Уральский рабочий». Это говорит о неумении правильно подать даже материал, который есть.

– Одной из заслуг биеннале её организаторы называют привлечение внимания к памятникам конструктивизма. Мы знаем, что в 2015 году вы были на экспозиции в гостинице «Исеть»... –

– Мне кажется, по поводу конструктивизма это некое преувеличение, но дело даже не в этом. Тут же гостиницу «Исеть» сносить не собирались и не собираются. Как памятник она стоит и стоит.

– Но это никто и не занимается по-прежнему. Даже после биеннале... – То же самое я могу сказать вам по мастерские Союза художников на Малы-

шева, 21. Туда водят экскурсии как раз те, кто имеет отношение к биеннале, деньги на этом зарабатывают и внимание вроде как привлекают. Но никто ничего не ремонтирует. Это памятник архитектуры 1932 года... Тогда, может быть, деньги нужно отпустить не на биеннале, а на ремонт этих памятников? В случае с мастерскими – необходим ремонт крыши. Мы хотя бы порядок какой-то навести, но крышу самостоятельно сделать не сможем. Сколько писем уже было написано, но никто ничего не делает. А за 40 миллионов рублей государственных денег ремонт бы получился очень хороший.

... А вообще, когда начинается разговор о современном искусстве, я предлагаю найти номер журнала «Искусство», который был полностью посвящён художнику Илье Кабакову. Так вот он, по сути – классик современного искусства, вынес ему приговор. Сейчас Кабаков, кстати, рисует на холсте.

Мы к совету Сергея Айнудтинова прислушались, цитируем Илью Кабакова (журнал «Искусство», №3 (586) / 2013), одного из самых дорогих современных художников: «Инсталляция – жанр временный, и это очень грустно. Проходит время, и ты видишь осознание, что все эти двести инсталляций существуют только в памяти зрителя. А с возрастом тяготеешь к тому, чтобы оставить что-то после себя, и вдруг выясняется: ничего лучшего, чем картина, не существует. Хотя, может быть, ещё скульптура».